

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.236.7.017-027

В. Н. Синюков

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Нормативная правовая среда для достижения технологического лидерства России

Резюме. В статье рассмотрены концептуальные вопросы реализации стратегического технологического проекта (СТП) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) по формированию инновационной правовой среды для достижения технологического лидерства России. Дается характеристика организационно-правовой ситуации в нормативном регулировании науки, которая сложилась в России в пореформенный период. Показано, что на начальном этапе правовых преобразований инновационная сфера не получила необходимых организационно-правовых, имущественных, финансовых, налоговых приоритетов и стимулов в целях опережающего развития исследований и разработок. Делается вывод, что для решения накопившихся вопросов должна быть создана надлежащая правовая среда, на формирование которой в исследовательском аспекте направлен стратегический технологический проект университета. Представлены направления развития проекта: исследование правовых инструментов обеспечения технологических задач экономики; правовая адаптация программ промышленного развития страны; правовое сопровождение и трансфер разработок и др. Обоснованы основные критерии оценки проекта: оригинальность, ориентация на потребителя, экономическая технологичность, соответствие мировому уровню, оценка рисков, определение рынков использования результатов, индикаторы эффективности проекта и др. Аргументируется новое позиционирование университета в юридической науке и образовании как интеллектуального центра инфраструктуры обеспечения правовой составляющей технологического лидерства, в рамках которой создается среда нормативного, этического и экономического проектирования технологий. Научная часть программы нацелена на создание модели правового регулирования, юридической ответственности, в целом архитектуры доверия в условиях технологической неопределенности. Предлагается новая трактовка традиционной иерархии инноваций: не только технологии реагируют на правовые требования, но и юристы встраиваются в саму логику проектирования, переформатируя определение «инновация» с технологического на институциональное и управленческое измерения. Обосновывается положение, что университет становится не только испытательной лабораторией нормативных инноваций, но и проектирует будущие режимы управления технологией до ее полного развертывания. Рассмотрены вопросы организационной структуры проекта, делается вывод о необходимости реструктуризации кластерных проектов под задачи социально-экономических, технологических, федеральных и региональных программ технологического лидерства. Рассматривается вопрос о создании школы правовых инноваций как формы кадрового резерва для молодых исследователей. Делается общий вывод, что университет выступает не только центром текущего правового инжиниринга, но и научным актором правовых решений как экосистема нормативного прогнозирования технологий.

Ключевые слова: Приоритет-2030; стратегический технологический проект в сфере права; нормативная правовая среда; правовой инжиниринг; правовые стимулы инноваций

Для цитирования: Синюков В. Н. Нормативная правовая среда для достижения технологического лидерства России. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 7. С. 17–27. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.236.7.017-027

Благодарности. Статья подготовлена в рамках выполнения работ по государственному заданию на тему «Развитие правовой системы в условиях обеспечения технологического лидерства Российской Федерации: национальные приоритеты и международные вызовы (FSMW-2026-0005)». Регистрационный номер: 126022017763-1.

The Regulatory and Legal Framework for Achieving Russia's Technological Leadership

Vladimir N. Sinyukov

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper examines conceptual issues involved in implementing the strategic technology project (STP) of Kutafin University (MSAL) to create an innovative legal environment for achieving Russia's technological leadership. The author characterizes the organizational and legal situation in the regulatory framework governing science that emerged in Russia during the post-reform period. The paper shows that, at the initial stage of legal transformations, the innovation sector did not receive the necessary organizational, legal, property-related, financial, and tax priorities and incentives to ensure the accelerated development of research and development. The author concludes that, in order to address the accumulated issues, it is necessary to create an appropriate legal environment, and the university's strategic technology project is aimed at shaping such an environment from a research perspective. The paper describes the project's areas of development: the study of legal instruments for supporting the economy's technological objectives; the legal adaptation of the country's industrial development programs; legal support and transfer of developments, etc. The study substantiates the main criteria for evaluating the project: originality, consumer orientation, economic technological feasibility, compliance with international standards, risk assessment, identification of markets for applying the results, project performance indicators, and others. The paper argues for a new positioning of the university in legal science and education as an intellectual center within the infrastructure that supports the legal component of technological leadership, creating an environment for the regulatory, ethical, and economic design of technologies. The scientific component of the program is aimed at developing a model of legal regulation, legal liability, and, more broadly, an architecture of trust under conditions of technological uncertainty. The author proposes a new interpretation of the traditional hierarchy of innovation: not only do technologies respond to legal requirements, but lawyers become embedded in the very logic of design, reframing the definition of «innovation» from a technological dimension to institutional and managerial dimensions. The study substantiates the position that the university is becoming not only a testing ground for regulatory innovations, but also a designer of future technology governance regimes before technologies are fully deployed; examines issues related to the project's organizational structure and concludes that cluster projects must be restructured to meet the objectives of socioeconomic, technological, federal, and regional programs for technological leadership. It considers the creation of a school of legal innovation as a form of talent pipeline for young researchers. The paper's overall conclusion is that the university serves not only as a center of current legal engineering, but also as a scientific actor in legal decision-making — an ecosystem for the regulatory forecasting of technologies.

Keywords: Priority-2030; strategic technological project in the field of law; regulatory legal environment; legal engineering; legal incentives for innovation

Cite as: Sinyukov VN. The Regulatory and Legal Framework for Achieving Russia's Technological Leadership. *Lex russica*. 2026;79(7):17-27. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.236.7.017-027

Acknowledgements. The paper was prepared as part of the work performed under the state assignment on the topic «Development of the Legal System in the Context of Ensuring the Technological Leadership of the Russian Federation: National Priorities and International Challenges (FSMW-2026-0005)». Registration number: 126022017763-1.

В 2025 г. программа стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» Минобрнауки России была ориентирована на достижение технологического лидерства Российской Федерации. Согласно решению Совета по реализации программ развития Минобрнауки России Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) как ведущий юридический вуз страны

продолжит реализацию программы на основе стратегического технологического проекта (СТП) «Правовой инжиниринг для технологического лидерства»¹.

Социальный заказ на стратегический технологический проект в сфере права. Современная ситуация с правовым обеспечением научно-технологического развития характе-

¹ См.: URL: <https://msal.ru/content/prioritet-2030/>.

ризуется следующими чертами. На правовое регулирование технологического сектора значительный отпечаток наложило то обстоятельство, что многие современные технологии в последние 30–40 лет приходили в Россию из-за рубежа, что в значительной степени разладило технологические цепочки создания собственных технологических продуктов. Серьезно осложнил проблему и фундаментальный факт радикальной смены в начале 90-х гг. прошлого века институтов собственности и управления народным хозяйством, в целом правового статуса имущественных и хозяйственных отношений, в результате чего оказалась невостребованной прежняя административная система регулирования науки и технологий. Многие государственно-общественные институты — Академия наук, профильные ведомства, научные подразделения — подверглись хаотичному реформированию и не всегда продуманной оптимизации, что повлекло ухудшение экономических условий их деятельности, слом годами наработанной исследовательской инфраструктуры, массовый отток научных кадров, соединившийся с бесконечным реформированием высшего образования и системы научной аттестации². В итоге сложная, тонко настроенная и исторически преемственная инфраструктура воспроизводства науки в России оказалась серьезно дезинтегрированной и ослабленной.

Собственно, вопрос правового регулирования в сфере науки в постсоветской России в значительной мере оказался недооцененным. В самом начале реформ был допущен регуляторный перекокс. При проведении базовых кодификаций, охвативших все регулятивное поле страны — ГК, НК, ТК, ЖК, КоАП и других, их создание шло таким образом, будто права науки как не было, так и не должно было быть в новых имущественных, личных неимущественных, информационных, внешнеэкономических, административно-управленческих и других отношениях. Науке отвели своеобразную нормативную резервацию в виде Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике» 1996 г., который оказался по правовой силе вторичным и в известной мере беспредметным, ибо в этом законе невозможно было решить ни одного существенного вопроса организации науки, так как эти вопросы

были уже урегулированы в кодифицированных органических актах.

Очень специфичная сфера науки оказалась во власти так называемого общеэкономического подхода, что по сравнению с советским периодом не давало инновационной сфере организационно-правовых, имущественных, налоговых и финансовых приоритетов, преимуществ и стимулов в опережающем развитии исследований и разработок.

Нерешенность фундаментальных правовых проблем на пореформенном этапе развития научной отрасли в России оказала и оказывает до сих пор серьезное негативное влияние на развитие технологического сектора российской науки.

Для решения накопившихся вопросов должна быть создана актуальная правовая среда. В этих условиях задача правовой части технологической программы «Приоритет-2030» состоит в исправлении дисбалансов правового регулирования науки в России, которые возникли в предыдущие десятилетия и привели к утрате инновационности системой научного знания. Это произошло в том числе под влиянием дисбалансов компетенций, слабости правовых стимулов инноваций, избыточности регулирования, роста административных барьеров, ведомственного хаоса актов и правовых режимов, пробельности правовых инструментов.

Необходимо иметь в виду, что технологическое лидерство — самостоятельный правовой институт, который в настоящее время используется в нормативных и правоприменительных актах в весьма нестрогом значении. Этот институт в аспекте производственной деятельности имеет существенные отличия от института импортозамещения, который также связан с локализацией в стране современных технологий. На нынешнем этапе, когда в России фактически утрачены целые отрасли промышленности, сразу достичь технологического лидерства и даже технологического суверенитета очень трудно. Необходима подготовка юридически значимых дорожных карт индустриального движения к технологическому суверенитету и технологическому лидерству. Такие юридически значимые дорожные карты могут включать промежуточные этапы разработки технологий со специальными правовыми критериями финансирования, отчетности и ответственности исполнителей.

² См.: Мацкевич И. М., Пахомов С. И. Антиконтцепция подготовки научно-педагогических кадров. М. : Проспект, 2026.

Новый концепт правового проекта программы «Приоритет-2030» предполагает развитие в следующих направлениях:

— укрупнение задач программы; устранение избыточных акцентов на предоставление технологическим компаниям узкоспециализированных правовых услуг;

— расширение и конкретизация программы с учетом ключевых технологических задач экономики, в том числе в аспекте национальных проектов;

— адаптация инфраструктуры программы к задачам промышленного развития страны в отраслевом разрезе;

— стимулирование консалтингового аспекта программы на главным образом юридическую адаптацию и правовое сопровождение разработок;

— усиление экономической составляющей программы в аспекте создания комплексных экономико-правовых режимов в продвижении инновационных продуктов и внедрения новых технологий в промышленное производство.

В целом акцент СТП университета на развитии правового инжиниринга должен сопровождаться одновременным расширением концепта всей программы, преодолением традиционных взглядов на консалтинговый характер правового инжиниринга для тех или иных технологических проектов.

Правовой инжиниринг — это комплексный правовой подход к оптимизации правовых процессов, особый вид подрядных работ по структуризации сделок, созданию шаблонов договоров, контролю бизнес-процессов, снижению рисков для повышения скорости и предсказуемости правовых результатов (в том числе LegalTech). Данный институт, хорошо известный зарубежной и отечественной юридической практике, сам по себе входит в число ключевых задач российского права в инновационно-технологической сфере. В стратегическом технологическом проекте университета предпринимается попытка представить правовой инжиниринг шире по сравнению с его обычным значением, например в контексте оценки готовности правовой среды для технологий, развития правовой инфраструктуры и т.д. Преодоление общепринятого узкого понимания этого института будет работать в пользу пози-

ционирования правовых технологий в широком стратегическом значении формирования правовой среды инноваций.

Президент России В. В. Путин ставит задачу создания гибкой правовой среды для науки и инноваций, способствующей быстрому внедрению разработок при обеспечении безопасности. Ключевыми элементами этой среды являются экспериментальные правовые режимы в продвижении ИИ, биоэкономике, нацпроекты технологического лидерства, направленные на снятие барьеров для бизнеса и создание продуктов высокого технологического уровня³.

Введение критериев стратегического, технологического и рыночного проекта. Переформатирование стратегического технологического проекта университета в направлении правового обеспечения технологического лидерства реализуется в соответствии с критериями стратегического, технологического и рыночного проекта.

Таковыми критериями для СТП университета являются показатели и характеристики, позволяющие оценить качество, эффективность и соответствие проекта установленным требованиям, в частности: ориентация на потребителя; оригинальность; экономико-правовая и социальная технологичность; соответствие планам научно-технического развития; комплексная новизна, соответствие мировому уровню, возможность патентования; оценка рисков; анализ эффективности. СТП университета нацелен на критерии рыночного проекта: разработку его бизнес-модели; основные рынки использования; конкурентные преимущества; выявление потенциальных угроз; финансовые критерии эффективности проекта; уникальность (инновационность); управление рисками; анализ спроса на результаты проекта.

Структурирование технологического проекта университета под эти критерии происходит через уточнение тематики НИР, фундаментирование их целей, конкретизацию основных направлений и уточнение инфраструктуры проекта. В результате корректируется реализация проекта от правового сопровождения инновационного технологического бизнеса в направлении создания целостной экономико-правовой среды экономики, междисциплинарной разработки ключевых правовых инструментов,

³ См.: Пленарное заседание Форума будущих технологий // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/79222> (дата обращения: 15.03.2026). См. также: Хабриева Т. Я. Правовые очерки технологической революции. М. : Норма : Инфра-М : РАН, 2005. С. 9–13.

обеспечивающих технологический суверенитет России⁴. Такой подход полностью соответствует стратегической миссии университета как лидера в научных разработках комплексного правового характера в сфере новых, в том числе технологических, общественных отношений.

Стратегический концепт участия университета в программе «Приоритет-2030» в аспекте достижения технологического лидерства. Правовой инжиниринг есть составная часть более широкого концепта права — «**нормативной среды для технологического лидерства**» (В. В. Путин).

Современные технологические прорывы — ИИ, квантовые вычисления, метавселенные, нейроинтерфейсы — сталкиваются не только с инженерными, но и с правовыми вызовами. Технологии растут быстрее, чем их успевают осмыслить законодатели⁵. Университет выступает интеллектуальной инфраструктурой технологического лидерства, не сопровождая новые устройства, а создавая среду нормативного, этического и экономического проектирования технологий.

Главное отличие от правового инжиниринга в узком его смысле состоит в том, что университет становится механизмом «правовых и бизнес-инноваций» — не в аспекте правового сопровождения технологий, а в смысле создания новых форм правового регулирования, моделей ответственности, цифровых контрактов и архитектуры доверия в условиях технологической неопределенности.

Главная инновация в образовательном аспекте — формирование новой профессии «технологический юрист». Это не только специалист, который применяет закон к технологиям, но и соавтор цифрового будущего, разрабатывающий его правовую и ценностную структуру наравне с инженерами⁶.

Актуальная концепция СТП преодолевает ограничения:

— отличается от правового инжиниринга — это не о технической реализации законов в коде, а о встраивании правового мышления в процесс проектирования, где право становится языком ценностей;

— не сводится к подготовке юристов-консультантов — фокус на переопределение самой профессиональной идентичности, когда юристы становятся соавторами технологических решений, а не внешними менторами;

— предлагает инверсию традиционной иерархии — не технологи реагируют на правовые требования, а юристы встраиваются в саму логику проектирования, переформатируя определение «инновации» с технологического на институциональное и управленческое измерение.

От консультирования к интеграции: юристы не приходят консультировать инженеров, а встраиваются в команды разработки, переводя правовые требования в архитектурные модели технологий.

Новый подход к нормативности: от права к правовой среде.

Традиционно право выступает ретроспективно — правовые механизмы срабатывают после того, как технология уже существует. Правовая концепция технологического лидерства переворачивает эту логику: университет становится испытательной лабораторией нормативных инноваций, которые проектируют будущие режимы управления технологией до ее полного развертывания.

Это достигается через два взаимодополняющих механизма:

1) нормативное предвидение — создание «правовых сценариев» для технологий, которые еще не созданы; разработка дизайн-паттернов, встраивающих юридические требования в архитектуру систем на этапе проектирования. Речь идет о «правомерности по дизайну», где правовые ограничения имплементируются в саму логику системы, а не применяются впоследствии;

2) правовое проектирование как когнитивный инструмент — юристы участвуют в продуктовых командах не как консультанты по соответствию, а как дизайнеры ценностей. Правовые категории (ответственность, прозрачность, справедливость) становятся операционными критериями оценки технологических решений. Это похоже на роль дизайн-мышления, но с фокусом на нормативное измерение.

⁴ См.: Научные концепции развития российского законодательства : монография. 8-е изд., перераб. и доп. / В. Р. Авхадеев, Е. Г. Азарова, Л. В. Андриченко [и др.] ; под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова. М., 2024. С. 28–43.

⁵ См.: Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1.

⁶ См.: Еремин С. Н., Семенов Е. В. Наука и образование в структуре НТР. Новосибирск, 1986.

Уточнение подхода к правовым инновациям: пересборка **институциональной архитектуры проекта**. Правовая инновация в контексте концепта — не столько создание новых законов, сколько переработка существующих правовых инструментов для новых целей и создание гибридных форм, сочетающих элементы разных правовых режимов. Правовая инновация — не новая норма, а новый формат взаимодействия между человеком, технологией и институтом. Например, введение категорий «цифровой субъект», «право на предсказуемость алгоритма», «молчаливое согласие искусственного агента».

Бизнес-инновация в праве — создание новых рынков правового смысла: моделей распределенной юридической экспертизы, контрактных экосистем для нейросетевых стартапов, правовых интерфейсов для метавселенных и автономных организаций.

Примеры реализации:

1) переформатирование доказывания: развитие новых форм «эпистемической ответственности» — интеграция статистического знания, экспертного суждения и местного опыта в процесс принятия решений о технологиях;

2) нестандартные правовые инструменты: «живые договоры», адаптирующиеся к изменяющимся условиям, режимы многоуровневого управления, где решения принимаются на разных уровнях в зависимости от типа затронутых интересов;

3) переквалификация профессиональных ролей: вместо подготовки юристов-консультантов — подготовка «интегральных проектировщиков», которые способны участвовать в дизайне продуктов, понимают архитектуру систем и используют правовое мышление как когнитивный инструмент.

Ориентация на потребителя: сфера разработки и продвижения технологий.

Не консультирование по уже созданным технологиям, а встраивание правовой логики в саму логику проектирования:

— исполнители стратегического технологического проекта участвуют в продуктовых командах не как комплаенс-специалисты, а как дизайнеры новых правовых инструментов;

— правовые категории (правонарушение, ответственность, эффективность, справедливость, права и обязанности) становятся опе-

рациональными — встраиваются в критерии оценки технологических решений;

— разработка «правового языка», на котором инженеры и бизнес-лидеры могут говорить об этико-правовых последствиях технологических решений;

— кейсы из юридической практики (судебные решения о дискриминации, приватности, ответственности платформ) анализируются как проектные решения, показывающие, как нормативные конфликты разрешаются через переструктурирование систем.

Технологический результат: правовое мышление становится компонентом инженерной культуры, а не препятствием для инноваций.

Экономико-правовая и социальная технологичность проекта университета.

Университет демонстрирует технологическое лидерство не через создание устройств, а через управление конфигурацией рисков, стимулов и доверия вокруг технологий, задавая модели:

— как устроены права на данные, алгоритмы и результаты работы ИИ;

— как распределена ответственность между разработчиком, оператором, государством и пользователем;

— как обеспечиваются справедливость, транспарентность и доступ к правосудию в цифровой среде.

В этом смысле правовая и бизнес-инновация становятся таким же важным ресурсом технологического лидерства, как код и «железо», а университет — местом, где этот ресурс системно производится и апробируется⁷.

Оригинальность позиционирования университета в стратегическом технологическом проекте.

Университет может лидировать в области развития традиционных и новых правовых институтов, а не только заниматься юридическим обслуживанием и правовой подготовкой производственных процессов (правовой инжиниринг). Такая деятельность разворачивается в следующих направлениях.

1. Создание инновационных моделей распределения благ и ответственности:

— новые формы контрактации (например, «неудачные контракты», где платеж зависит от достижения социальных целей, а не просто завершения работы);

⁷ См.: Дагаев А. А. Фактор НТР в современной рыночной экономике. М., 1994.

— переформлирование отношений собственности в цифровых экосистемах (право на данные, право на алгоритм, права работников в платформенной экономике);

— механизмы внешней верификации качества (третьи стороны, следящие за соответствием социальным стандартам).

2. Формирование инверсионных моделей лидерства:

— структуры, где власть и решения распределены не иерархически, а через специализированные роли (например, субъекты, ответственные за определенные социальные последствия, независимо от иерархического положения);

— механизмы для потребителей и пользователей влиять на развитие технологий (DAO-подобные структуры, но встроенные в юридическую логику с четкой ответственностью).

3. Разработка инноваций в финансировании и инвестировании:

— новые модели венчурного финансирования, которые встраивают социальные целевые показатели в алгоритмы успеха;

— «юридическое структурирование стартапов» — разработка новых организационных форм (между акционерным обществом и кооперативом), которые соответствуют особенностям цифровой экономики.

Комплексная новизна технологического проекта университета заключается в задаче моделирования новых правовых институтов и институциональных форм, примерами которых могут быть:

— институт «цифрового доверия» для децентрализованных автономных систем (DAO, смарт-контракты, цифровые города);

— правовая конструкция «алгоритмической лицензии» — права на использование, модификацию и ответственность за ИИ-агентов;

— модель «сети автономных юрисдикций» для метавселенных и цифровых государств;

— институт нормативных прототипов;

— создание моделей законов, кодификаций, в том числе этических, соглашений для гипотетических сообществ будущего.

Основные рынки использования результатов проекта характеризуются социальной и технологической широтой: государственные органы и регуляторы; технические вузы и инженеринговые центры; стартапы и инновационные компании; международные исследовательские сети.

Индикаторами эффективности проекта выступают следующие показатели: количество

разработанных нормативных прототипов и концептуальных моделей; сформированность системы проведенных кросс-дисциплинарных сессий с техническими и бизнес-партнерами; число публикаций и экспертных материалов, востребованных регуляторами; оценка активности студентов и молодых исследователей, вовлеченных в проекты.

Уточнение организационной инфраструктуры проекта. В предыдущий период реализации программы «Приоритет-2030» (2021–2025 гг.) конструирование модели Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) как инновационного университета велось в программной логике кластерных проектов: киберправа, техноправа, экоправа, геоправа, права устойчивого развития, социоправа, бизнес-права и биоправа. В настоящее время в связи с новой целевой установкой программы «Приоритет-2030» на достижение технологического лидерства России имеющаяся организационная инфраструктура устаревает, так как носит слишком рамочный характер и не является информативной для партнеров и заказчиков, не позволяя фокусироваться на развитии приоритетных для России технологий.

Существующая система центров компетенций (ЦК) недостаточно эффективна с позиций управления новым технологическим проектом и для обеспечения реального участия специалистов университета в текущих изменениях экономических и технологических систем.

Возможно, потребуется рассмотреть вопрос о реструктуризации центров компетенций в правовые инженеринговые центры под задачи реализации социально-экономических, научно-технологических и общественно-гуманитарных федеральных и региональных программ технологического лидерства.

Такой подход позволит планировать конкретные задачи под наукоемкие отрасли промышленности, подготовку кадров, развитие территорий. Новая инфраструктура проекта позволит перейти от абстрактно-межотраслевых законодательных комплексов к такой архитектуре СТП, которая облегчит выработку правовых решений в конкретных областях научно-технологического развития.

Как уже говорилось, задача проекта университета — воссоздание на новом уровне отечественного высокотехнологичного научно-промышленного комплекса. Поэтому инфраструктура проекта должна обеспечить переход к функциям права как инженеринговой систе-

мы и составной части высоких технологий, где правовые кластеры не противопоставляются технологическим задачам. Новая инфраструктура проекта должна представлять университет на новом уровне позиционирования правовой науки как системообразующего института развития.

Система кластерных проектов (правовых инжиниринговых центров) опирается на задачи в целом стратегического технологического проекта и должна координироваться с конкретными технологическими проектами в экономике России. К таким задачам относятся:

- правовое обеспечение перехода к новому технологическому укладу (общие системные вопросы);
- повышение конкурентоспособности российской промышленности;
- снятие зависимости от импорта высоких технологий;
- ускорение и обновление производственной базы в российской промышленности;
- снятие административных барьеров в росте производительности труда;
- экономико-правовые решения проблемы нехватки трудовых ресурсов в промышленности;
- выработка цельных системных подходов к правовому регулированию развития высокотехнологического сектора в России;
- подготовка кадров для обеспечения правовой системы, системы национальной безопасности;
- подготовка кадров для высокотехнологичных отраслей экономики;
- создание эффективной инфраструктуры для поддержки инноваций;
- формирование моделей регионального развития.

В порядке обсуждения предлагается следующая система правовых инжиниринговых центров. 1. Развитие технологий искусственного интеллекта. 2. Производство электронных компонентов программно-аппаратных комплексов. 3. Кибербезопасность. 4. Правовые инструменты создания новых научно-технологических продуктов. 5. Интеллектуальные права и трансфер технологий. 6. Технологический суверенитет в области авиастроения и гражданской авиации. 7. Технологический суверенитет в области судостроения. 8. Технологический суверенитет в станкостроении. 9. Развитие отечественной промышленной робототехники. 10. Медицина и биоэкономика. 11. Продо-

вольственная безопасность в условиях современных вызовов. 12. Кадровое обеспечение высокотехнологичной экономики. 13. Научно-технологическое развитие территорий. 14. Научно-промышленные кластеры. 15. Привлечение инвестиций в сферу высоких технологий. 16. Нормативное обеспечение сферы науки и технологий. 17. Международное научно-технологическое сотрудничество. 18. Система управления научно-технологическим развитием Российской Федерации.

Механизм реализации кластерных проектов на базе правовых инжиниринговых центров образуется системой мероприятий и процессов:

1. Создание исследовательских групп, которые анализируют не только существующие, но и потенциальные технологические траектории (квантовые вычисления, нейрораспределенные системы, управление окружающей средой через сенсорные сети).
2. Разработка «правовых сценариев» — документов, которые описывают возможные нормативные режимы как для проблемных, так и для еще не созданных технологий.
3. Интеграция в процесс проектирования инженеров через совместное создание «дизайн-моделей» для правомерности, которые кодифицируют правовые требования в архитектуру систем до стадии их развертывания.

Новая система кластерных проектов более приближена к реальной проблематике научно-технологического развития и нацеливает центры компетенций на решение задач исследовательской политики в сфере решения технологических задач. Система кластерных проектов должна выполнять роль инфраструктуры, обеспечивающей разработку и внедрение комплексных экономико-правовых решений.

Предлагаемая реструктуризация центров компетенций опирается на существующий потенциал, наработанный в действующей инфраструктуре, и не требует дополнительных интеллектуальных ресурсов. В то же время новая система позволит пересмотреть и конкретизировать задачи, решаемые в рамках инновационных направлений научной и образовательной политики университета.

Школа правовых инноваций. В новой системе СТП должна быть предусмотрена постоянно действующая образовательная структура подготовки руководителей и исследователей междисциплинарного характера для обеспечения задач проекта университета.

Концепт школы основан на положении, что университет становится не поставщиком юристов-консультантов, юристов-инженеров, юристов-стратегов, а архитектором правовой, этической и бизнес-структуры прорывных технологий — через LegalTech, регулирование ИИ и данных, новые модели правового сервиса и правового дизайна.

Стратегическая задача школы состоит в переквалификации профессиональных ролей исполнителей СТП; подготовке нового поколения юристов-исследователей именно для разработки нормативных алгоритмов решения технологических задач.

Вместо подготовки юристов-консультантов необходимо планировать подготовку «интегральных проектировщиков» — специалистов, которые: способны участвовать в продуктивном дизайне; понимают архитектуру систем и могут предложить правовые решения, встроенные в код; используют правовое мышление не как санкционирующий механизм, а как когнитивный инструмент для преобразования проблем; вовлечены в проектирование механизмов принятия решений в технологических системах и заказных рабочих группах.

Цель школы — формирование методических подходов к развитию новых направлений юридической науки.

Учебно-научные задачи школы: обновление методологии юридических исследований на основе синтеза социогуманитарного и технического знания; инновационные способы анализа социально-правовых явлений; выявление аналитического потенциала новых технологических конструкций права; обоснование и продвижение в образовательной культуре технологического подхода к юридическим инновациям; всестороннее переосмысление правовой догмы под углом зрения актуальных задач развития правосознания и правовой культуры.

Структура программы школы (модули и треки) может включать следующие направления.

Академический трек состоит из базового курса «Право и цифровые технологии», который дополняют спецкурсы: «Управление ИИ и ответственность за решения ИИ»; «Право данных и конфиденциальность»; «LegalTech, автоматизация и дизайн юридических процессов»; «Правовой дизайн и коммуникация с пользователем цифровых сервисов».

Проектно-лабораторный трек: в лаборатории «Право и технологические инновации» студенты работают как R&D-консультанты для

внешних заказчиков (стартапов, госорганов, корпораций), моделируя правовую часть продуктов; в LegalTech-студии мини-командами создаются MVP юридико-технологических сервисов (документ-автоматизация, боты, панель комплаенса, дашборды рисков).

Внешний и предпринимательский трек включает акселератор юридических и регуляторных решений: короткие интенсивы, где команды доводят идеи до пилотов вместе с бизнес-структурами; конкурс «Право будущего»: кейс-чемпионаты по проектированию режимов регулирования для ИИ, финтеха, государственные технологии, хакатон по праву и политике.

Факультативная программа может включать курс «Проекты права будущего: от кода к норме»; лабораторию-«песочницу» по вопросам управления ИИ и цифрового права; программу акселерации LegalTech и платформ правового дизайна; международный консорциум «Этика и алгоритмы в правовом контексте».

Форматы участия слушателей могут быть вариативными, в частности могут включать динамические модули — гибрид исследовательского кластера, проектной школы и диспут-клуба:

1. «Право до технологии» — слушатели учатся выявлять зоны нормативной неопределенности, возникающие вокруг развивающихся технологий (например, как будет регулироваться «владение» генетическими профилями, созданными ИИ).

2. «Конструкторы институтов» — моделирование новых правовых институтов (например, «цифровое доверие», «алгоритмическая лицензия», «сеть автономных юрисдикций»).

3. «Иммерсивная юриспруденция» — разработка симуляций, где будущие технологии тестируются с правовой точки зрения: как ведет себя децентрализованный город; как работает алгоритм, если у него появляются правовые обязанности?

4. «Правовая культура технологий» — творческая лаборатория эссе, визуальных нарративов и концептуальных карт, где участники переводят сложные технологические явления в язык понятий, доступных законодательству.

5. «Институт нормативных прототипов» — коллективное написание «пробных» моделей законов, кодексов, этических деклараций, соглашений для гипотетических обществ будущего; «нормативные хакатоны» с участием юристов, инженеров, философов и предпринимателей.

Таким образом, инфраструктура проекта школы включает форму подготовки молодых ученых в целях трансформации образовательной роли университета: наряду с обучением юристов-консультантов-исполнителей — подготовка экспертов в области технико-юридического интегрального проектирования.

Заключение: концептуальные ориентиры стратегического технологического проекта университета. Университет, таким образом, не «помогает технологиям», а участвует в фундаментальной пересборке того, как общество организует производство и распределение благ в эпоху новых технологических систем. Это не консультирование (инжиниринг); это интеллектуальное лидерство, которое переформатирует саму природу правовой практики и юридического образования.

Проект университета исходит из разворачивающейся в настоящее время гуманитарно-технологической революции, суть которой — в синергетическом взаимодействии социальных и технических составляющих технологического суверенитета России.

Юристы, экономисты, программисты и предприниматели работают не над «регуляцией технологий», а над созданием моделей правовых экосистем технологий, в том числе правовой санацией проблемных и формированием

еще не существующих форм взаимодействия цифрового государства, нейрокоммуникаций, алгоритмических решений, больших данных, автономных отраслевых экономик.

Право встраивается в прорывные технологии не как «обслуживание» или «консультации», а как институциональная инфраструктура, создающая и готовые решения, и прототипы институтов, которые могут быть адаптированы под конкретные технологии (например, модель «цифрового доверия» для DAO или «алгоритмической лицензии» для ИИ-агентов).

Университет выступает не только как центр текущего правового инжиниринга, но и экосистема нормативного прогнозирования, выявляя зоны неопределенности и предлагая сценарии развития права для технологий, которые еще массово не внедрены.

СТП университета проектирует новые формы правовых отношений, которые не сводятся к традиционным контрактам, но могут быть основой для новых рынков и институтов (например, «сеть автономных юрисдикций» для метавселенных).

Технические вузы создают прототипы машин, а юридический университет — прототипы институтов. Именно в этом состоит технологическое лидерство университета в гуманитарно-правовом измерении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дагаев А. А. Фактор НТР в современной рыночной экономике. М., 1994.
- Еремин С. Н., Семенов Е. В. Наука и образование в структуре НТР. Новосибирск, 1986.
- Мацкевич И. М., Пахомов С. И. Антиконцепция подготовки научно-педагогических кадров. М. : Проспект, 2026.
- Научные концепции развития российского законодательства : монография. 8-е изд., перераб. и доп. / В. Р. Авхадеев, Е. Г. Азарова, Л. В. Андриченко [и др.] ; под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова. М., 2024.
- Пленарное заседание Форума будущих технологий // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/79222> (дата обращения: 15.03.2026).
- Хабриева Т. Я. Правовые очерки технологической революции. М. : Норма : Инфра-М : РАН, 2005.
- Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1.

REFERENCES

- Avkhadeev VR, Azarova EG, Andrichenko LV, et al. Khabrieva TYa, Tikhomirov YuA, (eds.). Scientific concepts for the development of Russian legislation. Moscow; 2024. (In Russ.).
- Dagaev AA. The Scientific and Technical Revolution (STR) Factor in the Modern Market Economy. Moscow; 1994. (In Russ.).
- Eremin SN, Semenov EV. Science and Education in the Structure of the Scientific and Technical Revolution (STR). Novosibirsk; 1986. (In Russ.).

Khabrieva TYa, Chernogor NN. Law in Digital Reality. *Journal of Russian Law*. 2018;1. (In Russ.).
Khabrieva TYa. Legal essays on the technological revolution. Moscow: Norma: Infra-M: RAS Publ.; 2005. (In Russ.).
Matskevich IM, Pakhomov SI. Anti-concept of training scientific and pedagogical personnel. Moscow: Prospect Publ.; 2026. (In Russ.).
Plenary meeting of the Future Technology Forum. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/79222> [Accessed 15.03.2026]. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Синюков Владимир Николаевич, доктор юридических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки Российской Федерации
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
vnsinyukov@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir N. Sinyukov, Dr. Sci. (Law), Professor, Vice Rector for Research, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Scientist of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
vnsinyukov@msal.ru

Материал поступил в редакцию 20 марта 2025 г.
Статья получена после рецензирования 20 марта 2026 г.
Принята к печати 15 июня 2026 г.

Received 20.03.2025.
Revised 20.03.2026.
Accepted 15.06.2026.